

А. Е. Чернова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Перевинской духовной семинарии

«Песни древней старины» в поэзии Николая Рубцова

В статье выявляются основные этнопоэтические константы аксиологического уровня, которые определяют духовную направленность образа Русской земли в поэзии Николая Рубцова. В процессе анализа удалось установить, что образ родного края раскрывается в стихотворениях Рубцова сквозь призму фольклорного сознания и соотносится с народным мироощущением. Кроме того, он имеет обобщенный характер и раскрывается через следующие этнопоэтические константы: старина, тайна, божественное, надмирное начало и грусть. В основе образной системы стихотворений Рубцова лежит противопоставление внешних экономических успехов в развитии хозяйства, материального благополучия – и неожиданной печали и тревоги, которые испытывает лирический герой.

Ключевые слова: этнопоэтические константы, фольклорное сознание, религиозное сознание, художественный образ, аксиология, народное творчество.

Почти все исследователи творчества Н. Рубцова указывают на такое органическое свойство его поэтического мировосприятия как обостренное чувство Родной земли. Духовная связь Рубцова с Россией, раскрывающаяся во многих стихотворениях, – очевидна, вокруг этого утверждения никогда не возникает споров или разногласий. Уже заглавия публицистических и критических работ, посвященных его творчеству, отражают обращенность, постоянную устремленность поэта к истории страны, воплощением которой, по мнению многих литературоведов, он сам и являлся. Вот только некоторые названия книг и статей: «Россия, Родина, Рубцов» (С.П. Багров), «Николай Рубцов. Ангел Родины» (Н.М. Коняев), «Вещее сердце России» (А. Сурова), «Россия – это и Николай Рубцов» (Сеил Ким), «Акафист России Николая Рубцова» (А.В. Грунтовский), «Последний певец России» (Т. Блажнова), «Живое слово души России» (Е. Ларина) и др.

Исследователи (В.В. Дементьев, Н. Аладьин, В. Перцовский, А.В. Науменко, А.Я.

Истогина, Л.В. Тимашова и др.) подчеркивают такие особенности рубцовского образа Родины, как любовь лирического героя к деревне, неизменность важнейших устоев жизни, чувство древности земли и романтический колорит. Неповторимый образ малой родины – вологодской стороны – расширяется до обобщенного образа всей России. По словам А.Я. Истогиной, «Дремотные леса и усыпанные клюквой болота, деревни на холмах и немногословные сердечные люди, пенье саней в лунную ночь и “ромашковый запах ночлега”, “грустные, грустные” сентябрьские птицы и молчаливые церкви “на крутизне береговой” – все это “родимая земля”, верность которой – первейшая заповедь поэта» [5, с. 113]. Вторая важнейшая черта, которую обозначают Н.М. Коняев, В.В. Дементьев, С.П. Багров – это некоторая полуреальность изображения, когда внешний дневной мир существует, мерцая, на грани сна, чудесного видения, и земное перевоплощается в идеальное, в грезу.

Наша задача состоит в том, чтобы выявить типические этнопоэтические константы авторского сознания и поэтической системы, которые в совокупности создают обобщенный образ родного края в стихотворениях Н. Рубцова, и через призму фольклорного сознания соотнести их с народным мироощущением. Для этого необходимо учитывать не только фольклорную традицию, закрепленную в веках, но и духовные приметы времени, когда жил поэт, состояние устного народного творчества, его специфику и развитие в тот исторический период.

Середина 60-х годов XX века учеными и политиками советской эпохи определялась как начало нового исторического этапа в развитии села.

По утверждению официальных источников, деревня с каждым годом становилась все более богатой, а ее жители – все более обеспеченными и счастливыми. Возводились новые индустриальные комплексы, строились школы и больницы, ручной труд полностью заменился машинным, словом, по своему жизненному уровню село стремительно приближалось к городу. Весьма показательна в этом отношении статья Г. Радова «На новом этапе», в которой он анализирует современные социальные процессы и соотносит их с литературой. Он пишет: «Теперь, когда подведены итоги восьмой пятилетки, когда съезд партии утвердил Директивы к новому пятилетнему плану, мы с уверенностью можем сказать: с марта 1965 года начался новый исторический этап развития советского села. <...> ...И полная механизация полевых работ; и новые фермы, где, наконец, облегчен труд наших славных доярок, свинок и птичек; и совершенно новые для села индустриальные комплексы – фабрики свинины, говядины и яиц. <...> Для нас бесспорно: и научно-техническая революция, и резкий подъем материального уровня жизни крестьянства – все это вызовет и уже вызывает изменения и в социальной природе крестьянина, и в его духовном, культурном и нравственном мире» [14, с. 247–248].

Подчеркнем, улучшение внешних условий, технический прогресс, по мнению автора, положительно влияет на всю культуру, определяет духовное развитие общества, актуализирует фундаментальные нравственные ценности. Радов отмечает, что уровень обра-

зования в селе значительно повысился, многие крестьяне окончили среднюю и высшую школы. «Сельский человек стал и грамотнее и самостоятельнее, а следовательно, и внутренне богаче и сложнее...» [14, с. 249].

Мы не случайно привели в пример цитаты из статьи Г. Радова. В трудах современных историков, писателей и литературоведов судьба русской деревни середины XX века оценивается с несколько иных, а иногда и диаметрально противоположных, позиций. Это закономерно: чем дальше по времени отстоит событие, тем разностороннее взгляд на него, тем больше штрихов, духовных оттенков в нем просматривается, появляется возможность более глубокого анализа, основанного не только на эмоциях, подогретых официальной статистикой и собственным видением фрагментов реальности, но и объединением этих разрозненных фрагментов в единое целое. Однако для того, чтобы осознать своеобразие того или иного автора, выявить истоки традиционности и новаторства, необходимо непосредственно, через первоисточники, «почувствовать» воздух и настроение именно той эпохи, когда жил писатель: ее радости и боль, убеждения и сомнения, нравственный поиск и жизненные цели.

Опираясь на статью Г. Радова (а она характерна для своего времени), можно выявить стереотипные сюжеты в изображении исторической ситуации 60-х гг. XX века, а также склад мышления людей той эпохи. Типична сама лексика: «наши славные доярки», «для нас бесспорно», «совершенно новое». Эпитет «новое», пожалуй, самое распространенное слово в этом тексте (встречается пять раз).

К середине XX века «новое», по мысли автора, постепенно и необратимо охватывает все уровни человеческого существования: технически совершенствуется внешний материальный мир, а вместе с ним развивается и мир внутренний, душевный. Искусство и наука обогащаются прогрессивными идеями, одновременно зарождаются новые народные песни, которые соответствуют изменившимся условиям жизни. Это бодрые и радостные песни, наполненные оптимизмом и коллективным упоением прекрасной, послевоенной действительностью, которая к тому же с каждым днем совершенствуется.

«Да, война окончена! – размышляет В.М. Сидельников в работе, посвященной

русскому народному поэтическому творчеству советской эпохи, – несмотря на пережитое горе и страдания, народ ликовал. Он переживал великую радость победы. По всей стране зазвучали звонкие песни гордости и счастья, песни славы и торжества» [20, с. 173]. Это было справедливое наблюдение, действительно, после войны люди относились к жизни с оптимизмом, но были, кроме того, и горестные сожаления об ушедших, павших на поле боя. И еще: «народная поэзия нашего времени с особой силой воспевала советский общественный строй, социальную действительность. Она справедливо увидела в этом строе воплощение вековых надежд и чаяний народа» [20, с. 184]. Н.Рубцов в стихотворении «Жалобы алкоголика» выразил и эти настроения:

Скот размножается,
пшеница мелется,
и всё на правильном
таком пути!.. [18, с. 39]

А вот поэт изображает современную Россию, развивающуюся и обновленную:

Загородил мою дорогу
грузовика широкий зад.
И я подумал: – Слава Богу!
Село не то, что год назад!

Теперь в полях везде машины,
и не видать худых кобыл...
Один лишь древний дух крушины
все так же горек, как и был... [18, с. 35]

В основе образной системы этого стихотворения лежит противопоставление внешних экономических успехов в развитии хозяйства, материального благополучия и неожиданной, чем-то даже здесь неуместной, печали и тревоги, которые испытывает лирический герой. Откуда, однако, среди обновленной светлой действительности повеял этот «древний дух крушины»? Так ли уж принципиально для Николая Рубцова разделение нового и старого, модернизации и древности? Лирического героя волнуют не бытовые приметы (внешние изменения к лучшему), а «дух». А.В. Науменко в статье «Тема Родины в лирике Н. Рубцова» пишет: «Н. Рубцов понимает, что прогресс деревне необходим, что без механизации ее расцвет был бы невозможен. <...> Рисуя тот или иной пейзаж, указывая на явные радостные приметы времени, поэт никогда не

упускает из виду прошлое, глубокую старину. Прошлое и настоящее соседствуют, не мешая друг другу, скорее, удачно сочетаясь, дополняя друг друга» [10, с. 28–29].

На наш взгляд, это верно лишь отчасти. Поэт не только «не упускает из вида прошлое, глубокую старину», но делает нечто большее. Он воскрешает в таинственных исторических видениях древние события, и современность, ее характерные бытовые детали (трактор, сытая кобыла) постепенно отходят на второй план. Более того, в основных, самых известных стихотворениях Рубцова, посвященных Родине, вся окружающая действительность становится инобытием, чудесным явлением сакрального мира. Все «радостные приметы времени» в этом случае просто перестают существовать, исчезают, будто морская пена. Вспомним слова Н.М. Коняева о том, что «событие или явление вообще становится предметом поэзии у Рубцова, лишь когда выявляется его вневременная, мистическая суть» [6, с. 462]. Раскрыть эту вневременную суть помогают этнопоэтические константы, организующие образную систему произведений.

Стихотворений первого типа, когда «прошлое и настоящее соседствуют, не мешая друг другу» не так уж много, всего несколько («На Родине» и «Сенокос» в том числе). В шутивно-трагической поэтической зарисовке «Жалобы алкоголика» лишний человек, отставший от общего победного движения борцов за коммунизм, бормочет:

Так, замети меня,
метель-метелица.
Ох, замети меня,
ох, замети... [18, с. 39]

И, словно из пустоты, от безликой государственной системы, грозно звучит ответ: «И заметет!..»

При всей юмористичности образа лирического героя – больного и маленького неудачника, который, невзирая на прогресс, на избранный большинством правильный путь, за что-то мучает свой организм – в этой последней строке, прервавшей, словно тяжелый удар, бесконечные причитания, звучит и скрытая боль за человека, за его судьбу. По интонации это далеко не насмешка над ним, но, скорее, пародия на подобные сатиры, которые были тогда очень популярны. Исследо-

ватель фольклора советского периода В.М. Сидельников писал: «А кто мешал осуществлять грандиозные задачи, поставленные перед народом Правительством, тому крепко доставалось в сатирических частушках, пословицах и поговорках. Высмеивался лодырь, рвач, подхалим, стилияга» [20, с. 187].

Людей, которые соответствуют идеалам или хотя бы просто нормам советской действительности, Рубцов изображает в стихотворении «Сенокос»:

С утра носились,
Сенокосили,
Отсенокосили, пора!
В костер усталый
Дров подбросили
И помолчали у костра.
И вот опять
Вздыхают женщины,
Дают советы молодым,
А мужики лежат, блаженствуя,
И в небеса пускают дым!
Они толкуют о политике,
О новостях, о том, о сем,
Не критикуют ради критики,
А мудро судят обо всем,
И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Все чаще новые, советские,
Все реже – грустной старины... [18, с.

60]

В стихотворении вновь показаны два мира, старый и новый, при этом новый продолжает развитие старого. Традиционное крестьянское дело объединяет прошлое и настоящее. Никак не изменяются и простые человеческие ощущения: усталость и в то же время довольство от выполненного дела, блаженство отдыха. Вековая мудрость сквозит в беседах крестьян («мудро судят обо всем»).

Лирического героя радуют песни, смех, беседа, вздохи – блаженство отдыха, радуют и новые советские песни, но он и грустит об уходящих песнях старины. Упоминание двух типов песен: новых советских и песен грустной старины отражает ситуацию, сложившуюся в народном песенном творчестве к середине XX века. Если старые песни уходят в прошлое, их забывают и поют все реже, то

новые, напротив, часто звучат по радио и по телевидению, исполняются известными артистами, и с каждым днем становятся все популярнее.

В раздумьях лирического героя чувствуется сожаление об уходящих песнях старины. При этом указывается, что современные люди все же «судят обо всем» мудро; так, в мудрости суждений, в песнях русской старины, прорастает сквозь современный быт традиция.

Поэтику новой народной песни подробно анализируют многие фольклористы того времени. Среди них Н.И. Кравцов, А.М. Новикова, В.М. Сидельников.

А.М. Новикова [12], например, пишет, что развитие народной песни пошло по новому пути и что особенно важными и нужными для народа становятся песни на современные темы.

Содержание песни, по мнению ученых, обязательно связано с исторической действительностью, и, следовательно, сама реальность, ее приметы и достижения являются источником новых сюжетов для народного творчества.

Прославление страны и родной коммунистической партии, строительство фабрик и электростанций, освоение космоса, судьба героев, которые «помогли отстоять землю от непрошенных гостей, добить фашистского зверя в его собственном логове» [20, с. 173]. Все это становится основным содержанием, ядром, новой песни.

Старые, традиционные песни были, по наблюдениям фольклористов, подвергнуты серьезной переоценке. Происходит процесс переосмысления традиционных песен, в которых заменяются слова, одни куплеты дописываются, другие, напротив, опускаются, так что на старой мелодической основе появляется совсем другое, отвечающее запросам времени, произведение. Например, романс о чайке «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды» трансформируется в песню дальневосточных партизан «Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли». Песня Демьяна Бедного «Проводы» – не что иное, как наполненная новым содержанием одна из старых песен. Было распространено редактирование советскими поэтами традиционных народных песен, которые приводились таким способом в соответствие с идеологией советского строя.

В то же время наравне с военными и революционными песнями продолжает развиваться массовый городской романс. Не забыта и частушка, которая особенно быстро реагирует на все новое, схватывает и передает его в краткой образной форме. Частушка не только быстрее, чем другие фольклорные жанры, выявляет исторические и социальные черты действительности, но и дольше сохраняется в народной памяти.

Особый пласт устного народного песенного творчества XX века – это блатные песни, которые по своему содержанию и эстетике занимают определенное место в национальной культуре.

«Дети пели “В лесу родилась елочка”, “Маленькой елочке холодной зимой”, “Купила мама Леше отличные галоши...”. Про гражданскую войну пели, про Отечественную войну пели. Блатные пели.

– Такие песни нравились?

– Очень. Там апофеоз, а тут душевнее: “У атамана ботиночки со скрипом”.

Еще пели про отца прокурора и сына вора. “Сижу на нарах, как король на именинах”. Ну и “Мурку” пели. Официальные песни мы в школе учили. А так хотелось петь что-нибудь другое, необычное. Чтобы душу теребило» [Запись Черновой А.Е. от Гладковой Т.М., 1951 г.р., родом из Сызрани, 05.03.2012, г. Сызрань].

В одном из первых вариантов стихотворения Н. Рубцова «Осенняя песня» лирический герой упоминает песни именно такого типа:

*Я в ту ночь позабыл все хорошие вести,
Все призывы и звоны из кремлевских ворот.
Я в ту ночь полюбил все тюремные песни,
Все запретные мысли, весь гонимый народ* [17, с. 213].

Существующие в 60-70-х годах блатные песни воспринимались людьми без криминального опыта как экзотические. За праздничным столом, когда вместе собиралась вся семья, и приходили гости, обычно пели традиционные лирические песни, тогда как блатные исполнялись на улице, во дворе.

Жанр блатной песни, зародившийся еще в Российской империи и получивший распространение в Советском Союзе, поэтизирует и воспекает быт и нравы уголовной среды. Некоторые песни этого жанра впоследствии стали выходить за рамки криминальной темати-

ки, в них появлялись новые художественные образы, которые значительно расширяли число привычных сюжетов. При этом, однако, сохранялись основные жанровые черты блатной песни, такие как сюжетность, тесная связь с конкретными жизненными ситуациями, использование в стихах стилистики разговорной речи и жаргона.

С 1930-х годов появляются песни о страданиях осужденных, находящихся в советских лагерях: «Ванинский порт», «Воркута-Ленинград» и др. По наблюдениям исследователя песенных жанров Л.И. Левина, блатная песня постепенно, в связи запретом на исполнение, уходит в подполье – в криминальную, дворовую, студенческую, солдатскую, туристическую среду, «лишь изредка, да и то “из-под полы”, появляясь в репертуаре ресторанных певцов и оркестров» [8, с. 80].

С конца 60-х годов распространяются пленки с песнями и концертами А. Звездина (Аркадия Северного), также появляются популярные авторские песни А. Галича, В. Высоцкого, Ю. Кима, стилизованные под блатные, которые пользуются успехом среди разных слоев населения.

Развитие песенного народного творчества к середине XX века представляло собой процесс сложный и неоднородный. Наряду с официальной народностью, с песнями, в которых прославлялись родная страна и партия, продолжали существовать и старинные лирические песни, и песни тюремного мира.

Закономерно, что фольклористы того времени четко разграничивали традиционный фольклор и фольклор современный. Советское поэтическое творчество, на взгляд В.М. Сидельникова, тематически шире и разнообразнее традиционного фольклора, идейно глубже и насыщеннее. Кроме того, «произведения современного фольклора резко отличны от фольклора традиционного. В них отсутствует мифология, нет и прежней фантастики. Они отличаются своей реалистичностью, жизненностью и правдивостью» [20, с. 187]. Так исследователь выделяет главные черты современного фольклора: реалистичность, жизненность и правдивость.

Подобные размышления В.М. Сидельникова о старых и новых народных песнях возникли, конечно, не случайно, их пафос оправдан исторической ситуацией: действительно, с утверждением коммунистической

идеологии начинают зарождаться песни, которым присущи новые художественные образы и сюжеты, отвечающие четко сформулированным запросам времени. Отсутствие мифологии и фантастики, стремление к жизненности и реалистичности, основанной на трезвости взгляда и на так называемой «правдивости», когда многомерное бытие ограничивается лишь видимым, материальным, миром – все это и есть запросы времени, которые Сидельников четко сформулировал.

Нередко советские писатели ориентировались именно на такой тип художественного восприятия действительности и, честно отражая в своих произведениях характерные приметы современной жизни, отказывались от всего, что могло быть связано с таинственным и тревожным откровением старины.

Поэт послереволюционной поры М.Д. Ройзман в книге «Все, что я помню о Есенине» так описал свою встречу с Я.М. Свердловым, который ознакомился с его стихами:

«– Это же старая лирика. А была революция, – твердо сказал Свердлов и закурил трубку.

– Трудно сразу, Яков Михайлович!

– Вы читали стихи Есенина?

– У меня есть его «Голубень»!

– Он талантливый поэт, но пишет о старой Руси. Старинный быт, обычаи, религия. Все это навсегда отомрет. Если Есенин это не поймет, он похоронит свой талант» [15, с. 21].

Из этого диалога видно, что новое революционное мировосприятие, плоское и упрощенное, настойчиво навязывалось творчески одаренным людям.

Общие мировоззренческие установки оказали влияние и на художественное сознание поэтов, чье творчество принято (и справедливо!) считать традиционным. Например, Ольга Фокина, вологодский поэт середины XX века, творчество которой поддерживал Н. Рубцов, пишет так:

Живу легко. Не мыслю и вперед...

<...>

Не знаю тайн. Не верю в колдовство,

К потусторонним силам не взываю...

[21, с. 381]

В поэзии Н. Рубцова, напротив, очень важны художественные образы, которые передают красоту и тайну человеческого существования. Его лирический герой словно

находится в самом центре неразрешимых загадок бытия: в темном небе таинственно дрожат звезды, гул речных вод поет таинственные мифы, и даже простой полевой туман назван таинственным шарфом. Вспомним стихотворения «Тайна», «Шумит Катунь», «Зеленые цветы», «О Московском Кремле», «Далекое», «Ночь на Родине», «Зимняя ночь», «Вологодский пейзаж» и др.

Тайну, связанную с миром природы, поэт называет вечной:

И старуха метель не случайно,

Как дитя, голосит за углом, –

Есть какая-то вечная тайна

В этом жалобном плаче ночном [18, с. 431].

Тайна проявляется через традиционное олицетворение природы в данном случае в образе старухи-метели, могучей и, одновременно, по-детски голосащей. Подобное олицетворение характерно для поэзии Н. Рубцова. Например, в стихотворении «По мокрым скверам проходит осень...», воспроизводящем неистовство уже осенней бури, вновь появляется образ старухи:

Кто там стучится

в мое жилище?

Покоя нету!

Ах, эта злая старуха осень,

Лицо нахмуря,

Ко мне стучится,

и в хвое сосен

Не молкнет буря! [18, с. 306]

Своеобразный манифест, призыв возвышенной и чудесной силы, которая бы управляла жизнью, звучит в стихотворении «Я буду скакать по холмам...». Лирический герой не хочет и даже более того – боится все понять рационально, раскрыть загадочные явления природы и тем самым разрушить свои таинственные грезы, лишиться возможности полета.

Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над ними не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
[18, с. 435–436]

Отношение человека к внешнему природному миру как к величайшей тайне характерно для религиозного типа сознания. Одно из определений этого термина, опираясь на труды А.Ф. Лосева, сформулировал литературовед О.В. Московский: «Религиозное сознание – сознание самоутверждающейся в вечности личности, которая представляет свое бытие в пространстве Божьего промысла и воспринимает тайну как очевидность мироустройства» [9, с. 18].

Окружающий родной мир чудесен и непознаваем – такая аксиологическая константа свойственна как религиозному, так и фольклорному сознанию. Существование общей точки соприкосновения двух типов сознания не случайно, ведь в фольклорном сознании «могут быть представлены и другие уровни, сформированные под влиянием иных типов сознания: религиозного, научного, практического» [4, с. 29]. Религиозное сознание присутствует в легендах, духовных стихах, заговорах, бытовых сказках, пословицах.

В поэзии Николая Рубцова Родная земля изображается как таинственное «пространство Божьего промысла». Одно из его стихотворений, посвященных Родине, так и называется «Тайна»:

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы... [18, с. 315]

Свет, звон бубенцов и пение хора, река и задремавший бор – все эти константы тематического уровня выполняют психологическую функцию. Они созревают из особого восприятия лирическим героем родных мест, из его способности почувствовать глубокую тайну, покой и красоту деревенской ночи.

Религиозный элемент фольклорного сознания обнаруживает себя в творчестве Н. Рубцова через признание тайны как непреложного факта бытия. И проявившись своей

художественной гранью, этот религиозный элемент, по определению О.В. Московского, «порождает поэзию, генетически с ним связанную и буквально пропитанную мотивом тайны, обладающим силой и чистотой звучания» [9, с. 16].

Такое же отношение к тайне характерно и для поэзии русских классиков, особенно М. Лермонтова.

Тайна взаимосвязана с русской стариной и с грустью. «Во всем таинственном величье своей глубокой старины» раскрывается Вологодский пейзаж в стихотворении «Ночь на родине». Детали пейзажа пронизаны печалью, но эта печаль особого рода, отмеченная еще А.С. Пушкиным – светлая, разлитая в воздухе родных мест:

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром... [18, с. 370]

Определение «старинный» встречается особенно часто в стихах о Родной земле. По верному наблюдению Л.О. Лавлинского, это определение имеет всегда «ярко положительный, даже ласкательный смысл». «Старинным» названы и вековые шумящие сосны, и паромный плеск реки. Полевой простор тоже «достопадной веял стариной» [7, с. 304]. В стихотворении Н. Рубцова «Видения на холме» константа старины, включая в себя как видимое (леса, погосты, избышки, цветы), так и невидимую высшую реальность (молитвы, страдания, небеса), выполняет фатическую функцию:

Россия, Русь –
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя... [18, с. 353]

Очень важно, что «достопадная старина» в поэзии Н. Рубцова обнаруживает себя не только в земном просторе, но и в небесном, как, например, в стихотворении «Привет, Россия...»:

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!.. [18, с. 355]

Старина прослеживается в связи с предками (погосты) и в современных избушках, лесах и цветах, а также в судьбе народа. «Страдания и битвы» делают старину «достославной». Поэт дорожит «таинственным величием» старины и обеспокоен стремительным наступлением цивилизации, способной заслонить старину.

Подобное поэтическое восприятие старины раскрывается и в письмах Рубцова, в которых он с горечью отделяет нравы современной ему деревни от традиций прошлой эпохи, от старинной русской самобытности.

Вот, например, слова из неоконченного письма Глебу Горбовскому за 1964 год: «...Нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти поисчезали и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых – одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившиеся здесь» [17, с. 351].

В недатированной биографии «Коротко о себе» Рубцов пишет: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического...» [17, с. 315].

Крупные изменения в современной жизни, особенно в сравнении с красотой и духовными богатствами Древней Руси, не вызывают в душе поэта отклика, его волнует прекрасная, поэтическая русская самобытность. Письмо Г. Горбовскому по своему настроению совпадает с другими письмами этого периода.

Схожи с данными размышлениям и строки из письма Рубцова к Яшину осенью 1965 года: «В деревне мне, честно говоря, уже многое надоело. Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств...» [17, с. 346]. Вот этой «русской самобытности», уходящей из современного села, отсут-

ствии бытия и засилье быта, не достает в современном мире поэту.

«Самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью» – следует отличать от иной грусти, тихой и просветленной, той, что окутывает в ночное время родные нивы, берега рек и поля. Образ Родины в поэзии Н. Рубцова наполнен таинственной грустью: спят во мгле «печальные айлы», неизвестные ивы «странно и грустно» поникли над обрывом, а тихая печаль лирического героя подобна легкому и прозрачному лунному свету.

Исследователи фольклора не раз отмечали, что и в русских народных песнях чаще всего передается чувство печали и одиночества, что протяжные лирические песни более распространены, чем радостные и плясовые. Единого мнения о характере и причинах такой грусти не существует. Бердяев, например, в книге «Судьба России» указывает в первую очередь на географические и политические факторы: «...в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами» [3, с. 65].

С размышлением Бердяева о том, что русские люди почти не умеют радоваться, трудно согласиться, особенно если учитывать всю культуру в целом, развитие истории, фольклора и литературы, а не только отдельные образы лирических песен, в которых к тому же большое место занимают шуточные, хороводные, плясовые песни.

В.Я. Пропп в книге «Сказка. Эпос. Песня» связывает грусть народных песен не с «особым устроением души», но с внешними обстоятельствами – с крепостным правом, с тяжелой и беспросветной жизнью крестьян: «Широко распространено мнение, что русская песня грустна и что она этим выражает душу русского народа. Что русская песня грустна, верно только отчасти. <...> Большое же количество именно грустных песен элегического характера объясняется не особым устроением русской души, а вызвано всем

жизненным укладом строя русской крепостной патриархальной деревни» [13, с. 234]. Об этом же еще в конце XVIII века писал Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву».

Однако в XX веке жизненный уклад страны изменился, а новые оптимистические песни так и не смогли заглушить в лирике Н. Рубцова грустные песни старины, этими напевами пронизаны многие его стихотворения. Следовательно, причина не только во внешних условиях существования, но намного глубже, все же в устройстве русской души. Здесь важно отметить, что печаль эта – особого рода, она принципиально отличается как от тоски, так и от сентиментального уныния, и выражает собой не безысходность горя, но скорее тихую задумчивость и просветление. Более того, грустные напевы народных песен не противоречат радости.

Например, стихотворения Кольцова, по справедливому замечанию А.М. Новиковой, «были очень близки к самим народным песням, в которых даже в мотивах грусти-тоски никогда не чувствовалась безысходность жизненного горя» [12, с. 116]. Вспомним известную пушкинскую строку: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...».

Не случайно В.Г. Белинский, рассуждая о своеобразии русского национального характера, об особенностях русской народной песни вобравшей это своеобразие, в статье «Древние российские стихотворения. Сказания русского народа. Русские народные сказки» замечает, что основным элементом, родной стихией национальной поэзии, наиболее полно выразившейся в творчестве Пушкина, Кольцова и Лермонтова, является грусть. По наблюдениям В.Г. Белинского, «грусть русской души имеет особенный характер; русский человек не расплывается в грусти, не падает под ее томительным бременем... Грусть не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества. Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой» [2, с. 441].

В поэзии Н. Рубцова, так же как и в произведениях устного народного творчества, «минуты музыки печальной» не противоречат дальнейшему веселью, хохоту и праздничной гульбе. В стихотворении «Зимним вечерком» раскрывается тревожное состояние лириче-

ского героя, который оказался перед лицом реальной опасности, наедине со стихией:

А больше – ни звука!
Ни огонечка!
Во мраке вьюга
Летит по кочкам... [19, с. 263]

Но именно в этот, наводящий ужас момент, когда природная стихия берет власть над человеком и готова погубить его, прорывается бесстрашное, бесшабашное веселье, которое преодолевает страх:

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрузила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем!
Давай поохочем! [Там же]

Таким образом, старина, тайна, божественное, надмирное начало и грусть – основные этнопоэтические константы аксиологического уровня, которые определяют духовную направленность образа Русской земли и выполняют в лирике Н. Рубцова психологическую и фатическую функции.

Эти константы составляют сущностные особенности как земного, так и небесного пространства. «А в стихах его неотразимо белые церкви да древние кресты печалились, словно вытаяли они из-под страшных сугробов забвения, – пишет о Н. Рубцове поэт Александр Романов. И добавляет: – Это уже было потрясением основ» [16, с. 241]. Глубинное понимание Родины рождается не из бытовых представлений, тем более не из обстоятельств современного времени, но из постоянной, утвержденной в веках, самобытности, из таинственных и грустных откровений старины.

Не удивительно, что в редакциях газет и журналов повторялась одна и та же ситуация: «Многие редакторы дрожали от ярости, когда им в руки попадали стихи Рубцова. Помню, с каким боем приходилось вталкивать редкие и урезанные его публикации в вологодские газеты» [Там же].

То же самое вспоминает и писатель Сергей Багров: «Стихи его кое-где иногда и

брали. Хвалили. Однако печатать не обещали. И довод отказа привычно-конторский:

– Не актуально и архаично! И где же у вас сегодняшний день?» [1, с. 58].

Сегодняшний день, по мнению Н. Рубцова, вырастает не на пустом месте, а на корнях архаики и Святой Руси, что и подтверждают его произведения на исторические темы.

Библиографический список:

1. *Багров, С.П.* Россия, родина, Рубцов: Документальное повествование. Вологда: Вологодская писательская организация, 2005.
2. *Белинский, В.Г.* Древние российские стихотворения. Сказания русского народа. Русские народные сказки. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 289–450.
3. *Бердяев, Н.А.* Судьба России. М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1990.
4. *Голованов, И.А.* Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): Монография. Челябинск: Энциклопедия, 2009.
5. *Истогина, А.Я.* Гармония в стихийных спорах... М.: Московский учебник и Картолитография, 2004.
6. *Коняев, Н.М.* Николай Рубцов. Ангел Родины. М.: Алгоритм, 2007.
7. *Лавлинский, Л.О.* О «тихой лирике» // Литература и современность. Сб. 11. Статьи о литературе 1970–1971 годов. М.: Художественная литература, 1972. С. 298–318.
8. *Левин, Л.И.* Блатная песня // Эстрада в России: XX век: Энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 79–81.
9. *Московский, О.В.* Мотив тайны в лирике М.Ю.Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2004.
10. *Науменко, А.В.* Тема Родины в лирике Н.Рубцова // Вопросы русской литературы:

Республиканский межведомственный науч. сб. Вып. 1 (43). Львов: Высшая школа, 1984. С. 25–32.

11. *Новиков, В.И.* Смердяков русской поэзии (о Н.Рубцове) // Столица, 1994, № 33. С. 58–60.

12. *Новикова, А.М.* Русская поэзия XVIII – первой половины XIX века и народная песня: Учебное пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» М.: Просвещение, 1982.

13. *Пропи, В.Я.* Сказка. Эпос. Песня. М.: Лабиринт, 2001.

14. *Радов, Г.Г.* На новом этапе (Современное село и литература) // Литература и современность: Статьи о литературе 1970–1971 годов. Сб. 11. М.: Художественная литература, 1972. С. 247–275.

15. *Ройзман, М.Д.* Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973.

16. *Романов, А.А.* «Божеский человек». По воспоминаниям Александра Романова // Душа хранит... Николай Рубцов: Малоизвестные страницы биографии / Сост. М.А. Полетова; послесл. О.И.Анашкиной. – М.: Молодая гвардия, 2009. С. 240–245.

17. *Рубцов, Н.М.* Собр. соч.: В 3 т. Сост., вступ. ст., примеч. В.Д. Зинченко. М.: Терра, 2000. Т. 3.

18. *Рубцов, Н.М.* Сочинения: Прижизненные издания; Избранное. Сост. Н.И.Дорошенко. М.: Российский писатель, 2006.

19. *Рубцов, Н.М.* Песни и романсы. Сост. В.Н.Калугин. М.: Эксмо, 2009.

20. *Сидельников, В.М.* Русское народное поэтическое творчество советской эпохи. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1967.

21. *Фокина, О.А.* Избранное: Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1985.

©Чернова А. Е., 2023